

Петров Андрей

29.01.98

«Петербургские тайны» семьи Петровых

Общая газета, -
- 1998, - 29 янв, -
- 4 стр., - с. 15

Помните вальс, полный тревоги вальс, который стал рефреном «Петербургских тайн»?

Его сочинила Ольга ПЕТРОВА, дочь и соавтор знаменитого отца.

Композиторских династий мы почти не знаем. Однако композитор Андрей Петров светский лев, тонкий дипломат, популярный и востребованный во все времена, имеет необычного ребенка. Ольга Петрова тиха и скромна, но за безмятежной внешностью ощутимы неженская самостоятельность, спокойное достоинство и программное нежелание купаться в лучах отцовской славы. Собственная стилистика (от детской оперы «Винни-Пух» до симфонии на стихи Ахматовой), собственная система воспитания детей. И лишь сравнительно недавно Ольга впервые выступила в соавторстве с отцом — вначале в работе над «Петербургскими тайнами», затем в сочинении мюзикла «Капитанская дочка».

Отец о дочери

Когда дочь идет по стопам отца — окружающие всегда очень пристально наблюдают, ищут следов участия, помощи или простоты блага. Как ни странно, это помогло мне осознать Ольгу как самостоятельного автора: оказалось, она пишет совершенно другую музыку, и я очень этому радовался: это было лучшее доказательство, что она работает самостоятельно.

Не раз в жизни она нас удивляла. Поступив на дневное в консерваторию, уступила место сверстнику, который сдал экзамены хуже, попал на заочное и должен был идти в армию. Ольга с ним быстро обменялась, а мы узнали об этом, когда все уже произошло. Помню, как она очень спокойно объясняла ошеломленным родителям причины своего поступка — нам нечего было возразить.

Талантливое во всех сферах творческой жизни она умеет распознавать сразу и задолго до того, как это поймут окружающие. На воспитание детей у нее очень твердые (и нетрадиционные) воззрения — им многое разрешается. Посмотрим, что из этого выйдет. Пока человеческие результаты (а они и есть главные) — хорошие.

Дочь об отце

Моим воспитанием отец как бы и не занимался, в детстве я видела его редко, но главный его принцип — не подавлять личность, уважать ее, независимо от того, сколько этой личности: год или шестнадцать, — обеспечивал ему в моих глазах несомненный авторитет. Сочинять музыку я впервые попробовала в шесть лет — потому что хотела ему подражать...

Позже я уже старалась быть ни в чем на него не похожей, и очень часто, когда меня в классе композиции спрашивали, не дочь ли я Андрея Павловича, говорила «нет».

После консерватории я занималась исключительно серьезной музыкой, папино эстрадное творчество было мне совсем не близко и мне не хотелось, чтобы меня с ним связывали...

Ну, а став взрослой, я научилась вести с ним диалог на равных. И теперь ценю в своем отце не только мудрость и доброту, но и некоторые слабости: излишне доверчивый, он, на свое счастье, довольно легкомыслен... Но мы все знаем: если что-то случилось и голова идет кругом, нужно призвать папу — и он скажет, кто, как и что должен делать. В нашей семье я немного Обломов, зато он — настоящий Штольц...

С чего начинается музыка

Андрей Петров: Свое самое первое сочинение я написал в эвакуации в Сибири лет в 12, это была дразнилка для моей младшей сестры. Я сам исполнял ее на скрипке. Лет десять назад с оркестром Бадхена я вновь попал в тот город — это знаменитый ныне Ленинск-Кузнецкий. Вспомнил детство и под хохот зала, страшно фальшивя — скрипку в руки не брал сто лет, — рискнул исполнить дразнилку...

Очень часто в жизни для меня все начиналось с... заказа. Если я знал тему, время исполнения, балетмейстера или дирижера — а судьба мне всегда посылала талантливых людей, — если я уже мог себе представить будущую афишу, это увлекало меня невероятно. Каждое сочинение вдохновляло, каждый замысел будоражил...

Ольга Петрова: А для меня импульсом могут стать просто прочитанные стихи. Когда-то меня потрясла «Песнь песней», и я написала музыку. А бывает, чья-то мелодия действует так разительно, будто заставляет тебя вступить в диалог...

А.П.: Это мне тоже, знакомо: некогда я мечтал о писательстве и поэтому музыку начинаю чувствовать через литературу — так было с «Мастером и Маргаритой», с «Маяковским». Важны образы, контекст...

О.П.: Это, между прочим, важно и для соавторства. В «Петербургских тайнах» и в «Капитанской дочке» мы имели дело с историей, были подчинены автору, времени, сюжету, что облегчало задачу.

А.П.: Если речь заходит о «Жестоком романсе» или «А я иду, шагаю по Москве...», меня спрашивают, есть ли рецепт для шлягера...

О.П.: ...и оказывается, что его не существует.

А.П.: Оля, ты уже выразила свое неровное отношение к эстраднему наследию отца...

О.П.: Не беспокойся, я уже понимаю: по сравнению с тем, что нас теперь окружает, твои сочинения — по-настоящему хорошего вкуса.

Сегодня музыка бесстыдно пошла на поводу у ширпотребности — таких «песен» можно в день штук пять нашлопать, была бы охота да стишки подходящие.

В своей Нобелевской лекции Бродский сказал, что художник должен быть чуть выше уровня публики — читателей, слушателей, — чтобы они могли тянуться за ним. А от той пошлятины, что мы слышим в эфире, тянет опуститься на четвереньки...

А.П.: Знаменитый Вадим Козин после лагеря жил и умер в Магадане — а у Брежнева была самая большая коллекция его записей... Считалось, что советских людей воспитывают на классике. Но народ всегда жил двойной жизнью, двойными вкусами и слушал дома на «ребрах», на пластинках из рентгеновских снимков какие-то свои песни, блатные, самосочиненные, бунтуя тем самым против дистиллированной советской звуковой среды... И лишь только рухнула система запретов, легализовалось безудержное пристрастие к чему-то полублатному-полукабачному — будто озвучили нашу рабскую психологию. Но нынешняя так называемая «попса» — та же советская песня, только в ее худших образцах, без профессиональной цензуры текстов и мелодий.

О.П.: Музыка — тот язык, на котором нация общается со

своим временем. Может, чего-то в своем прошлом и настоящем мы так и не поняли?..

О времени и о себе

А.П.: Чтобы выжить в роли главы Союза композиторов и не быть погребенным под грудой сообщений, требований, звонков — из обкома, горкома, Москвы и пр., — я ввел систему градаций. Первая: тут же забыть, выбросить и не вспоминать. Вторая: сказать «да», а потом отказаться, отговорившись занятостью или нездоровьем (если сразу отказываться, уйма времени уйдет на уговоры). И третья — делать немедленно. Но первым долгом надо было себя спросить: чего можно не делать, и, ответив на этот вопрос, ты сразу чувствовал себя свободнее...

О.П.: Я тогда была несогласна с отцом во многом — с его членством в партии прежде всего. Но я понимала: за ним стоит масса людей, и именно это дает ему право просить за кого-то, помогать кому-то. Я знала, что такое вынужденный конформизм: в те времена все врал. И хоть Булгаков сказал, что правду говорить легко и приятно, но на самом деле это почти всегда нелегко и не всегда приятно.

А.П.: К столетию Ленина я написал (нельзя было отмолчаться) сочинение на стихи «Уберите Ленина с денег». Радовался, думал, нашел нетрадиционный и более-менее честный ход, — а разразился страшный скандал на пленуме ленинградского обкома партии... Кнайфель (его замалчивали так же, как Шнитке, Тищенко, других талантливых авторов) по тому же поводу написал «Письмо Ленина к членам ЦК» для мужского хора. Была сделана рабочая записка — ее тут же арестовали и положили в сейф обкома КПСС.

И все же в те времена Союз композиторов был реальной силой. К нам прислушивались, у нас была репутация.

Сейчас мы все это потеряли. Композиторы бедствуют. Несмотря на обилие фестивалей, гастролей и разного рода событий, высокая музыка в повседневности унижена. Сегодня я уже не могу вслед за Пушкиным повторить: «Из наслаждений жизни одной любви музыка уступает...» Творчество для меня все больше превращается в необходимый труд.

О.П.: Конечно, это труд, всегда труд. И все же — если бы он был не в радость, я бы им не занималась. Я не из тех композиторов, которые не могут не писать — живу и без этого, но все-таки музыка — большая часть моей жизни, а что за жизнь без радости?..

В Индианаполисе с ошеломительным успехом прошла премьера легендарного балета «Сотворение мира» на музыку Андрея Петрова. Примерно тогда же Ольга Петрова закончила работу над мюзиклом «Калиф-аист» по одной из самых таинственных сказок Гауфа. А в тот день, когда происходил наш разговор, три поколения семьи Петровых — Андрей Павлович и Наталья Ефимовна (чей предмет музыковедение. — М.Т.), Ольга и Гиви (он единственный в семье, кто не имеет профессионального отношения к музыке) во главе с шестнадцатилетним Петром и пятнадцатилетней Мананой собирались в концертный зал «Октябрьский». Там после долгого перерыва давал свой новый «солнышко» Юрий Шевчук.

Марина
ТОКАРЕВА
Фото Евгения
СИНЯВЕРА